

Муму — эпизод 10 из 12

Через несколько мгновений пять человек ломились в его дверь, но, почувствовав сопротивление засова, остановились. Гаврила прибежал в страшных попыхах, приказал им всем оставаться тут до утра и караулить, а сам потом ринулся в девичью и через старшую компаньонку Любовь Любимовну, с которой вместе крал и учитывал чай, сахар и прочую бакалею, велел доложить барыне, что собака, к несчастью, опять откуда-то прибежала, но что завтра же ее в живых не будет и чтобы барыня сделала милость не гневалась и успокоилась. Барыня, вероятно, не так-то бы скоро успокоилась, да лекарь второпях вместо двенадцати капель налил целых сорок: сила лавровишенья и подействовала через четверть часа барыня уже почивала крепко и мирно; а Герасим лежал, весь бледный, на своей кровати и сильно сжимал пасть Муму.

На следующее утро барыня проснулась довольно поздно. Гаврила ожидал ее пробуждения для того, чтобы дать приказ к решительному натиску на Герасимово убежище, а сам готовился выдержать сильную грозу. Но грозы не приключилось. Лежа в постели, барыня велела позвать к себе старшую приживалку.

Любовь Любимовна, начала она тихим и слабым голосом; она иногда любила прикинуться загнанной и сиротливой страдалицей; нечего и говорить, что всем людям в доме становилось тогда очень неловко, Любовь Любимовна, вы видите, каково мое положение; подите, душа моя, к Гавриле Андреичу, поговорите с ним: неужели для него какая-нибудь собачонка дороже спокойствия, самой жизни его барыни? Я бы не желала этому верить, прибавила она с выражением глубокого чувства, подите, душа моя, будьте так добры, подите к Гавриле Андреичу.

Любовь Любимовна отправилась в Гаврилину комнату. Неизвестно, о чем происходил у них разговор; но спустя некоторое время целая толпа людей подвигалась через двор в направлении каморки Герасима: впереди выступал Гаврила, придерживая рукою картуз, хотя ветру не было; около него шли лакеи и повара; из окна глядел дядя Хвост и распоряжался, то есть только так руками разводил; позади всех прыгали и кривлялись мальчишки, из которых половина набежала чужих. На узкой лестнице, ведущей к каморке, сидел один караульщик; у двери стояли два других, с палками. Стали взбираться по лестнице, заняли ее во всю длину Гаврила подошел к двери, стукнул в нее кулаком, крикнул:

Отвори.

Послышался сдавленный лай; но ответа не было.
Говорят, отвори! повторил он.
Да, Гаврила Андреич, заметил снизу Степан, ведь он глухой не слышит.
Все рассмеялись.
Как же быть? возразил сверху Гаврила.
А у него там дыра в двери, отвечал Степан, так вы палкой-то пошевелите.
Гаврила нагнулся.
Он ее армяком каким-то заткнул, дыру-то.
А вы армяк пропихните внутрь.
Тут опять раздался глухой лай.
Вишь, вишь, сама сказывается, заметили в толпе и опять рассмеялись.
Гаврила почесал у себя за ухом.
Нет, брат, продолжал он наконец, армяк-то ты пропихивай сам, коли хочешь.
А что ж, извольте!
И Степан вскарабкался наверх, взял палку, просунул внутрь армяк и начал болтать в отверстии палкой, приговаривая: Выходи, выходи! Он еще болтал падкой, как вдруг дверь каморки быстро распахнулась вся челядь тотчас кубарем скатилась с лестницы, Гаврила прежде всех. Дядя Хвост запер окно.
Ну, ну, ну, ну, кричал Гаврила со двора, смотри у меня, смотри!
Герасим неподвижно стоял на пороге. Толпа собралась у подножия лестницы.
Герасим глядел на всех этих людишек в немецких кафтанах сверху, слегка уперши руки в бока; в своей красной крестьянской рубашке он казался каким-то великаном перед ними. Гаврила сделал шаг вперед.
Смотри, брат, промолвил он, у меня не озорничай.
И он начал ему объяснять знаками, что барыня, мол, непременно требует твоей собаки: подавай, мол, ее сейчас, а то беда будет.
Герасим посмотрел на него, указал на собаку, сделал знак рукою у своей шеи, как бы затягивая петлю, и с вопросительным лицом взглянул на дворецкого.
Да, да, возразил тот, кивая головой, да, непременно.
Герасим опустил глаза, потом вдруг встряхнулся, опять указал на Муму, которая всё время стояла возле него, невинно помахивая хвостом и с любопытством поводя ушами, повторил знак удушения над своей шеей и значительно ударил себя в грудь, как бы объявляя, что он сам берет на себя уничтожить Муму.
Да ты обманешь, замахал ему в ответ Гаврила.
Герасим поглядел на него, презрительно усмехнулся, опять ударил себя в грудь и захлопнул дверь.
Все молча переглянулись.

